

ДОПУСТИМОСТЬ ИСКЛЮЧЕНИЙ ИЗ ПРАВИЛ В КОНТЕКСТЕ НОРМАТИВНОГО ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ ПРАВА

Аннотация. В настоящей статье рассматривается вопрос о существовании исключений из установленных государством правовых правил. Автор подчеркивает, что право в контексте нормативного подхода к его пониманию представляет собой не только правила, но и исключения из них. В этом смысле нормативный подход к праву, несмотря на отдельные оговорки, является оптимальным для обоснования исключений в сфере правового регулирования.

Ключевые слова: исключение, правило, нормативный подход, сущность права, правопонимание, разнообразие.

Abstract. The article is devoted to the problem of the existence of government legal acts exclusions. The author underlines that the law in terms of regulatory approach doesn't only consist of rules, but there are also some exclusions. In this context the regulatory approach to law, in spite of some reservations, is optimal for substantiating the existence of exclusions in the sphere of legal regulation.

Key words: exception, rule, the regulatory approach, the essence of law, apprehension of law, variety.

Право – это сложное и многозначное понятие. По поводу его дефиниции, сущности, признаков имеется множество различных точек зрения, идей и теорий, каждая из которых обладает определенными достоинствами, раскрывает ту или иную сторону природы права. Одним из основных учений о праве выступает нормативное правопонимание.

По мнению М. И. Байтина, одного из основных представителей нормативного подхода к правопониманию, «право – это система общеобязательных, формально-определенных юридических норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер; издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений возможностью применения мер государственного принуждения; являются властным регулятором общественных отношений» [1, с. 80].

В свою очередь, такой приоритетный признак права, как олицетворение им государственной воли общества, заключается в том, что в последней «аккумулируются экономические, социальные, культурные и иные интересы и предписания различных классов, слоев и групп населения» [1, с. 60].

Подобная аккумуляция даже в идеале не может быть достигнута посредством использования унифицированных стандартов поведения, которые, в силу своей шаблонности, не способны учитывать объективные и субъективные различия между коллективными и тем более индивидуальными участниками регулируемых правом общественных отношений.

Соответственно, для обеспечения эффективной регуляции государству необходимы не только формально-определенные правила, но и дозволенные исключения из них.

Поэтому в части создаваемых и охраняемых государством юридических норм и содержится оговорка «за исключением случаев» (в различных вариациях ее терминологического выражения), позволяющая не игнориро-

вать атипичные ситуации, а, напротив, удерживать их в орбите правовой регламентации.

Сам по себе нормативизм (юридический позитивизм, нормативный подход к пониманию права) основан на признании неразрывной связи права с государством, которое создает либо санкционирует юридические нормы.

Историческая основа данного подхода связана прежде всего с учением И. Бентама, согласно которому не стоит возводить все присущие от природы качества человека в закон. Вместо этого следует давать возможность реализации лишь тем свойствам человека, которые соответствуют критериям полезности; всем остальным чертам человеческой личности надо противопоставлять наиболее суровые законы [2, с. 396]. Законодательство призвано направлять людей «к производству величайшего количества счастья» [3, с. 371].

Несмотря на некоторые волюнтаристические начала в понимании права, для проблематики исключений важным следует считать то, что законодатель, в силу утилитарных соображений практичности, способен волевым решением допустить исключения из им же созданных правил.

Продолжателем традиций учения И. Бентама считается Д. Остин, предложивший отождествлять право с приказами государства. Право, по мнению ученого, это выраженный в виде определенных правил приказ суверена [4, с. 89]. Закон в данной трактовке понимается как правило, установленное для господства одного мыслящего лица над другим. Отправными критериями для теории исключений здесь служат два момента: а) право выражается в виде властных правил; б) подобные правила исходят от государства.

На неразрывную связь права с государством обращал внимание видный представитель отечественного позитивизма Г. Ф. Шершеневич. «Право, – писал исследователь, – представляет собой нормы, определяющие отношения человека к человеку угрозой на случай нарушения известным страданием, которое будет причинено установленными для этой цели органами государственной власти» [5, с. 212].

Однако право, считал Г. Ф. Шершеневич, создается государством не произвольно, а на основе объективных моментов: «Когда утверждается, что право развивается, складывается под условием склада экономических отношений, то против этого невозможно возражать с точки зрения исторической действительности» [6, с. 494].

Как думается, именно объективные условия (в числе которых экономические факторы играют приоритетную роль) оказывают непосредственное влияние на необходимость использования государством в процессе правового регулирования не только правовых правил, но и санкционированных исключений из них.

Вместе с тем далеко не все сторонники позитивистского подхода к праву анализировали последнее сквозь призму влияния на него государства, вызванного различными, прежде всего экономическими детерминантами. Так, Г. Кельзен, создавший «чистое учение о праве», рассматривал правовой феномен вне взаимосвязи с другими социальными явлениями, не апеллируя к метаправовым источникам, будь то бог, государство, политическая власть и т.д. [7, с. 7]. «Чистая теория права» Г. Кельзена – это теория действующего права, в которой под правом понимается особый социальный порядок, подразумевающий иерархическую систему норм – правил должного поведения.

Данные правила находят свое отражение в системе юридических норм, указывающих направления должного поведения субъектов. Такие нормы поддерживаются принудительной силой государства, что позволяет отличать право от других социальных порядков [7, с. 11].

По нашему мнению, признание обеспечения права силой государственного принуждения свидетельствует о том, что Г. Кельзен не смог либо не захотел разрывать естественную, исходя из традиций позитивизма, связь права с государством. Вместе с тем Г. Кельзен стремится смягчить статус права как команды. Для этого им предлагается концепция «полномочий», означающая, что право действует не потому, что оно является «силой власти», а потому, что имеет полномочия на принуждение. Иными словами, правовым характером обладает не каждое принудительное предписание, а только то, которое исходит от властной инстанции, наделенной соответствующими полномочиями [7, с. 7].

Актуальным здесь является то, что властвующий субъект в пределах своей компетенции может в нужном случае облекать в правовую форму как правила, так и исключения из них. Необходимость таких исключений обусловлена всеобъемлющим характером правового регулирования и подтверждается следующим тезисом Г. Кельзена: «Не существует человеческого поведения, которое как таковое – в силу своего содержания – заведомо не могло составлять содержание правовой нормы» [7, с. 51–52].

Значительный вклад в развитие теории права внесли представители марксизма-ленинизма, определяющие право как возведенную в закон волю господствующего класса, содержание которой определяется материальными условиями жизни этого класса [8, с. 443].

П. А. Оль весьма кратко, но четко излагает основные постулаты марксистского учения о праве: 1) обусловленность права, как специфической нормативной системы, «экономическим строем», производственными отношениями. В этом смысле право представляет собой определенного рода «надстройку» над экономическим «базисом»; 2) неразрывная связь с государством, с публичной властью, с органами, на которые возлагается обязанность обеспечить соблюдение правовых предписаний соответствующими субъектами права; 3) классовая сущность права. Право выражает интересы экономически господствующего класса [9, с. 140–141].

Надо отметить, что марксистское правопонимание связано с наличием экономического базиса и юридической настройки, обоюдное влияние которых друг на друга очевидно.

Сложная, неоднозначная природа материалистических отношений детерминировала многообразие права, их регламентирующего, в том числе и для предельно возможного учета интересов господствующего класса. С другой стороны, в содержание права входят разнообразные юридические нормы, необходимые для достижения максимальной эффективности правового регулирования¹. В данной связи верно подмечено, что содержание права конкретизирует сущность права данного общества во всем многообразии составляющих его норм [11, с. 16–17].

¹ В частности, Н. С. Братусь отмечает: «В государственно-политической, социально-бытовой, духовной сферах, т.е. в надстроечных областях жизни общества, воздействие права проявляется более непосредственно» [10, с. 278].

Как думается, при констатации многообразия норм права следует иметь в виду, что содержание права, наряду с нормами-правилами поведения, включает в себя и нормы-исключения. Наличие последних в содержании права объясняется тем, что содержание, в отличие от сущности, всегда индивидуально, включает в себя как общее, так и единичное. Исключения – необходимый элемент права, потому что содержание права во многом обусловлено социальными потребностями [12, с. 320–323], отражает закрепление социальной структуры конкретного общества [13, с. 20].

Положения марксистско-ленинской теории права нашли свое дальнейшее развитие в трудах советских юристов.

Советские юристы и философы, придерживавшиеся нормативного понимания права, на протяжении многих десятилетий неизменно исходили из марксистского положения о том, что право – это обусловленная материальными условиями жизни, возведенная в закон воля господствующего в данном обществе класса.

Так, А. Я. Вышинский, безусловно исходя из классовой сущности права, писал: «Право – совокупность правил человеческого поведения, установленных государственной властью как властью господствующего в обществе класса, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью и осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу» [14, с. 40–41].

По мнению Н. Г. Александрова, «право всегда представляет собой «возведенную в закон» (т.е. в общеобязательное правило поведения) волю тех классов, в чьих руках фактически, в соответствии с господствующими в данном обществе экономическими отношениями, находится государственная власть» [15, с. 11].

Не отрицая, конечно, влияния идеологических особенностей, характерных для историко-политической обстановки рассматриваемого периода, хотелось бы отметить следующее: выдвинутый тезис о том, что на право оказывают влияние экономическая обстановка в обществе и, соответственно, право выражает интересы представителей экономически сильных классов, имеющих власть в государстве, вовсе не представляется абсурдной.

Экономика выступает в качестве ведущего фактора, оказывающего влияние как на содержание, так и на сущность права. Иные факторы – духовные, социальные, демографические и т.д. – вторичны по сравнению с экономическими условиями развития. Политика, в том числе и государственная, также зависит от материального базиса общества. Субъекты, занимающие ведущее положение в экономической жизни страны, безусловно, оказывают влияние на политическую деятельность государства, в том числе и ее правотворческую составляющую.

Данную позицию за несколько лет до установления советской власти отстаивал Г. Ф. Шершеневич. «Фактически влияние в государстве, – отмечал исследователь, – обеспечивается за классом, имеющим наибольшую экономическую силу. Соответственно тому политический порядок складывается всегда в пользу предоставления власти экономически сильнейшему классу» [6, с. 494].

Развивая указанную мысль, без всякого «налета» идеологии Л. С. Явич писал: «В самом широком плане право может рассматриваться как момент

господствующего способа производства, как свойство общественных отношений и форма их осуществления, которая в условиях государственности непременно приобретает юридическое качество, т.е. политическое опосредование» [16, с. 218].

Соответственно, тяжело отрицать, что право – юридическое средство государственного управления обществом. На формирование права оказывают влияние различного рода детерминанты, важнейшей из которых является экономика. Вместе с тем марксистский подход к праву, исключая саму возможность возведения в закон наряду с волей господствующего класса также и проявлений воли других классов и слоев общества¹, отрицающий сочетание в праве классового и общечеловеческого, акцентирующий внимание преимущественно на принудительной стороне права, становился все более односторонним, упрощал реальные представления о праве. Таким образом, сама жизнь обнаружила несоответствие многих положений марксизма о праве действительности [18, с. 98–107].

В связи с коренными переменами, связанными с проведением демократических реформ, представители нормативизма получили возможность отойти от многих идеологических штампов, непременно связывающих содержание права с его классовой сущностью.

Так, М. И. Байтин справедливо отмечал: «Право – это государственная воля общества. Не господствующего класса, как утверждает марксизм, а именно общества! <...> Сущность и содержание права определяются не только экономическим строем данного общества, но и политикой, моралью, правосознанием, наукой, культурой, религией и всеми другими реалиями социальной жизни, достигнутым уровнем цивилизации» [1, с. 60–61].

На наш взгляд, нормативный подход к пониманию права приемлем для констатации того факта, что право представляет собой не только совокупность нормативных правил, но и исключений из них. Подобный вывод базируется на следующих основных моментах, непосредственно исходящих от нормативного восприятия права.

Во-первых, право представляет собой совокупность юридических норм в их материалистическом понимании, подразумевающих правила поведения².

¹ Особенно категоричным в этом вопросе был В. И. Ленин, считавший, что, только когда «воля выражена как закон, установленный властью», она становится государственной [17]. В свою очередь, властью в государстве обладали представители привилегированных классов.

² Например: «Право представляет собой систему общеобязательных правил поведения, которые устанавливаются государством и охраняются им от нарушений» [19]; «Право есть система общеобязательных правил поведения, которые устанавливаются государством, выражают общие или индивидуальные интересы населения страны и выступают государственным регулятором общественных отношений» [20]; «Право есть система общеобязательных, формально-определенных, установленных и охраняемых государством правил поведения, выражающих волю политических сил, стоящих у власти, направленных на урегулирование общественных отношений» [21]; «Право – это система общеобязательных, формально определенных норм (правил поведения), генетически и функционально связанных с государством, выражающих согласованные интересы и волю общества, содержание которых вытекает из природы и характера господствующей в обществе системы экономических, политических и иных отношений» [22].

Соответственно, если существуют нормы-правила, значит, могут быть и нормы, устанавливающие исключения из данных правил; там, где есть правила, там предполагается и присутствие исключений из этих правил; наличие исключений – неотъемлемое свойство каждого правила. Парность правил и исключений не отменяется и в сфере правового регулирования [23, с. 60–63].

Во-вторых, нормы права издаются, изменяются, отменяются, а также санкционируются государством и охраняются им от нарушений возможностью применения мер государственного принуждения [13, с. 146]. Поэтому если государство устанавливает нормы, учреждающие правила, то оно компетентно в императивном порядке санкционировать исключения. В данном аспекте исключения, равно как и правила, создаются на основе государственно-властного решения; облакаются в форму нормативных предписаний.

В-третьих, и это самое главное, всеобъемлющий характер правового регламентирования, широта охвата объектов указанного процесса и неоднородность участвующих в нем субъектов детерминирует появление исключений из унифицированных, единых для всех стандартов поведения. Такие исключения необходимы государству для оптимизации реализации права, повышения результативности проникновения государственно-правового воздействия в различные сферы общественных отношений. Право не должно игнорировать многообразие жизненных обстоятельств, особенно с учетом того, что оно, как государственная воля общества, определяется «экономическими и духовными, а также национальными, религиозными, демографическими, природными и иными условиями его жизни» [1, с. 60]. Сама специфика человеческого общества: чрезвычайное разнообразие многочисленных, зачастую противоречивых интересов составляющих его коллективов и отдельных индивидов; предельно широкий спектр регулируемых правом и находящихся в постоянной динамике общественных отношений – допускает возможность отступления от общепринятых юридических правил, исключений из них. Для максимально возможного юридического опосредования разнообразных факторов окружающей действительности государство нормативно оформляет исключения из им же созданных правил¹. Таким образом, восприятие права в рамках современного нормативного подхода к его сущности и содержанию вполне допускает наличие исключений из общих, единых для всех правил.

Вместе с тем в контексте рассмотрения исключений в праве не стоит гиперболизировать нормативное направление, придавая ему полный приоритет как учению, идеально подходящему для объяснения факта существования исключений. В частности, представители нормативизма весьма преувеличивают роль права как специфического инструментария государства. «В свете юридического позитивизма сильно преувеличивается роль в обществе законодательной деятельности, результатом которой являются акты, идущие от институтов власти, а законодательству придается почти абсолютный смысл» [25, с. 110]. И хотя сторонники нормативного подхода отмечают, что «далеко не все намерения государства создавать и менять право по своей воле дости-

¹ В качестве примера влияния различного рода условий окружающей действительности на содержание права можно отметить Постановление Правительства РФ от 5 августа 2010 г. № 599 «О введении временного запрета вывоза некоторых видов сельскохозяйственных товаров с территории Российской Федерации» [24]. Принятие данного акта, носящего, без сомнения, исключительный характер, было порождено крайне неблагоприятной климатической ситуацией – аномально жаркой погодой лета 2010 г.

гали успеха – история знала немало эпох, когда тщательно подготовленные государством обширные правовые акты, рассчитанные на длительное действие, вскоре бесследно исчезали из-за того, что соответствовали не состоянию современного им общества, а несбыточным идеалам правящих лиц» [13, с. 146], – все же нельзя отрицать искреннюю веру ученых-нормативистов в бесконечно положительный потенциал юридических норм.

В. Д. Зорькин точно описывает логику нормативного восприятия права: «Юрист-догматик рассуждает так: не потому существует данный юридический закон, что этого требуют фактические жизненные отношения, а, напротив, определенные социальные отношения появляются именно вследствие того, что существует такой закон. <...> Получается, будто правоотношения, субъективные права и обязанности творятся по желанию законодателя. Отсюда типично юридическая иллюзия о всемогуществе закона» [26, с. 495].

Подобное видение права опасно тем, что оно может полностью отрицать существование исключений. Исходя из того, что принимаемые государством нормы есть общеобязательные правила поведения, предельно четко регламентирующие жизнь людей, возникает вопрос: почему и для чего (кого) из них должны быть исключения?¹

«Сам по себе нормативный подход к пониманию права, – верно замечает В. В. Лазарев, – был бы неплох. Уязвимым его делает, как это ни парадоксально, государство. В силу различных причин в определенных обстоятельствах оно удовлетворяется устаревшими нормами или, хуже того, издает акты, идущие вразрез с жизнью, принимает номы, работающие на консервативные силы» [28, с. 10].

Между тем юридическая практика свидетельствует не только об ирреальности абсолютного регулирования правом общественных отношений, но и также о том, что надлежащая (т.е. учитывающая бесконечное разнообразие и постоянную динамику общественных отношений) правовая регламентация допустима лишь при предоставлении определенной свободы субъектам, реализующим право.

К таким лицам относятся в первую очередь правоприменители. В данной связи В. Л. Кулапов и Ю. В. Медная правильно отмечают, что «правотворческий орган, осознавая свои ограниченные возможности, пытается, с одной стороны, каким-либо образом предупредить и восполнить потенциальную неопределенность и недостаточность в упорядочении тех или иных отношений, а с другой – предоставить правоприменителю возможность самому в рамках предоставленных полномочий осуществлять юридическое регулирование с учетом всех деталей и особенностей, наполняющих каждую конкретную жизненную ситуацию, которые законодатель просто не в силах предусмотреть» [29, с. 7]. К примеру, ч. 3 ст. 179 ГПК РФ гласит: «Свидетель, не достигший возраста шестнадцати лет, по окончании его допроса удаляется из зала судебного заседания, за исключением случая, если суд признает необходимым присутствие этого свидетеля в зале судебного заседания» [30, с. 127–130].

Тем самым возможность использования исключительного предписания выступает прерогативой суда, зависит от восприятия последним целесооб-

¹ Постановка такого вопроса потенциально вероятна, особенно с учетом того, что «юридико-позитивистское мышление в качестве причины изменения правовых отношений мыслит саму юридическую норму, независимо от того, насколько она адекватна жизненным реалиям» [27].

разности следовать общему правилу либо воспользоваться исключением из него. Государство (в первую очередь в лице своих судебных органов) оставляет за собой право применять исключения из установленных им же правил.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно отметить следующее.

Исключения в праве – это допускаемые юридическими нормами и закрепленные в них, отличные от общеустановленных правил положения, реализуемые уполномоченными на то субъектами при определенных условиях.

Нормативный подход к праву является оптимальным для допустимости существования исключений, ибо такой тип правопонимания основывается на том, что право, согласно данному учению, – совокупность установленных либо санкционированных государством юридических норм, содержащих как правила, так и исключения из них.

Присутствие исключений в праве позволяет последнему, как государственно-властному регулятору, быть высокочувствительным к природе регулируемых им объектов. Посредством исключений достигается соответствие между правом и реальными условиями социальной среды.

Право, с одной стороны, устанавливает модель, меру, образец должного поведения людей, с другой, будучи результатом отражения реального мира, предусматривает определенные возможности отступления от общеобязательного эталона. Вместе с тем, считая в контексте признания допустимости исключений из общеобязательных правил нормативный подход основным направлением понимания права, не стоит абсолютизировать его, забывать о его недостатках, в частности об объективном стремлении максимально регламентировать общественные отношения. Соответственно, исследование юридических исключений не должно ограничиваться только достижениями нормативизма, но и воспринимать положения социологической юриспруденции, а также, бесспорно, естественно-правовой теории.

Сущность и назначение как самого права, так и подразумеваемых им правил и исключений должны подвергаться дальнейшему теоретическому осмыслению и научному изучению.

Список литературы

1. **Байтин, М. И.** Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – М., 2005.
2. **Зорькин, В. Д.** Буржуазный либерализм в Англии / В. Д. Зорькин // История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсисянца. – М., 1998.
3. **Бентам, И.** Введение в основание нравственности и законодательства / И. Бентам. – М., 1998.
4. **Austin, J.** Lectures on Jurisprudence or the Philosophy positive Law / J. Austin. – V. 1. – London, 1873.
5. **Шершеневич, Г. Ф.** Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. – Вып. 1. – М., 1910.
6. **Шершеневич, Г. Ф.** Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. – Вып. 2. – М., 1911.
7. Чистое учение о праве Ганса Кельзена. – Вып. 1. – М. : ИНИОН АН СССР, 1987.
8. **Маркс, К.** Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 18.
9. **Оль, П. А.** Правопонимание: от плюрализма к двуединству / П. А. Оль. – М., 2005.
10. **Братусь, С. Н.** Правоотношение / С. Н. Братусь // Юридический энциклопедический словарь. – М., 1984. – 278 с.

11. **Шебанов, А. Ф.** Форма советского права / А. Ф. Шебанов. – М., 1966.
12. **Венгеров, А. Б.** Теория государства и права / А. Б. Венгеров. – М., 2000.
13. **Лейст, О. Э.** Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст. – М., 2008.
14. **Вышинский, А. Я.** Вопросы теории государства и права / А. Я. Вышинский. – М., 1949.
15. **Александров, Н. Г.** Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Н. Г. Александров. – М., 1961.
16. **Явич, Л. С.** Право развитого социалистического общества (сущность и принципы) / Л. С. Явич. – М., 1978.
17. **Ленин, В. И.** Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Т. 32. – С. 340.
18. **Байтин, М. И.** О современном нормативном понимании права / М. И. Байтин // Журнал российского права. – 1999. – № 1.
19. **Сырых, В. М.** Теория государства и права / В. М. Сырых. – М., 1998. – С. 93.
20. **Хропанюк, В. Н.** Теория государства и права / В. Н. Хропанюк ; под ред. В. Г. Стрекозова. – М., 1999. – С. 183.
21. **Комаров, С. А.** Общая теория государства и права / С. А. Комаров. – СПб., 2001. – С. 35.
22. **Черданцев, А. Ф.** Теория государства и права : учеб. для вузов / А. Ф. Черданцев. – М., 2001. – С. 171.
23. **Суменков, С. Ю.** Правила и исключения: философско-правовые основания парности / С. Ю. Суменков // Философия права. – 2010. – № 6.
24. СЗ РФ. – 2010. – № 32. – Ст. 4339.
25. **Немытина, М. В.** Проблемы современного правопонимания / М. В. Немытина // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов, 2007.
26. **Зорькин, В. Д.** Юридический позитивизм / В. Д. Зорькин // История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсесянца. – М., 1983.
27. **Букреев, В. И.** Этика права: От истоков этики и права к мировоззрению / В. И. Букреев, И. Н. Римская. – М., 2000. – С. 81.
28. **Лазарев, В. В.** Поиск права / В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2004. – № 7.
29. **Кулапов, В. Л.** Поднормативное правовое регулирование / В. Л. Кулапов, Ю. В. Медная. – Саратов, 2009.
30. **Гук, П. А.** Исключения в праве и их реализация в судебной деятельности / П. А. Гук, С. Ю. Суменков // Журнал российского права. – 2006. – № 8.

Суменков Сергей Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра теории государства и права
и политологии, Пензенский
государственный университет

E-mail: sumenkov@bk.ru

Sumenkov Sergey Yuryevich

Candidate of juridical sciences, associate
professor, sub-department of state
and law theory and political science,
Penza State University

УДК 340.1

Суменков, С. Ю.

Допустимость исключений из правил в контексте нормативного подхода к пониманию права / С. Ю. Суменков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 2 (18). – С. 9–17.